

Фортепианное евангелие
Марии Вениаминовны Юдиной

О Серафиме Умиленном я была наслышана. Поверь, много великих богословов, пастырей добрых повидала на своем веку и была с ними в общении. Но постриг монашеский доверила ему, и имя взяла в его честь.

На его вопрос: 'Зачем тебе имя-то с таким уделом непростым?' ответила: 'Хочу стоять с вами, святой отец, под одним венцом да под одним престолом золотым'.

Так и стою, Серафимова невеста.

“Нефукотворный памятник М.В.Юдиной”, стр.30

Встречал ли я ее? Да, хотя и не встречал.

Беседовал ли? Да, хотя и не беседовал.

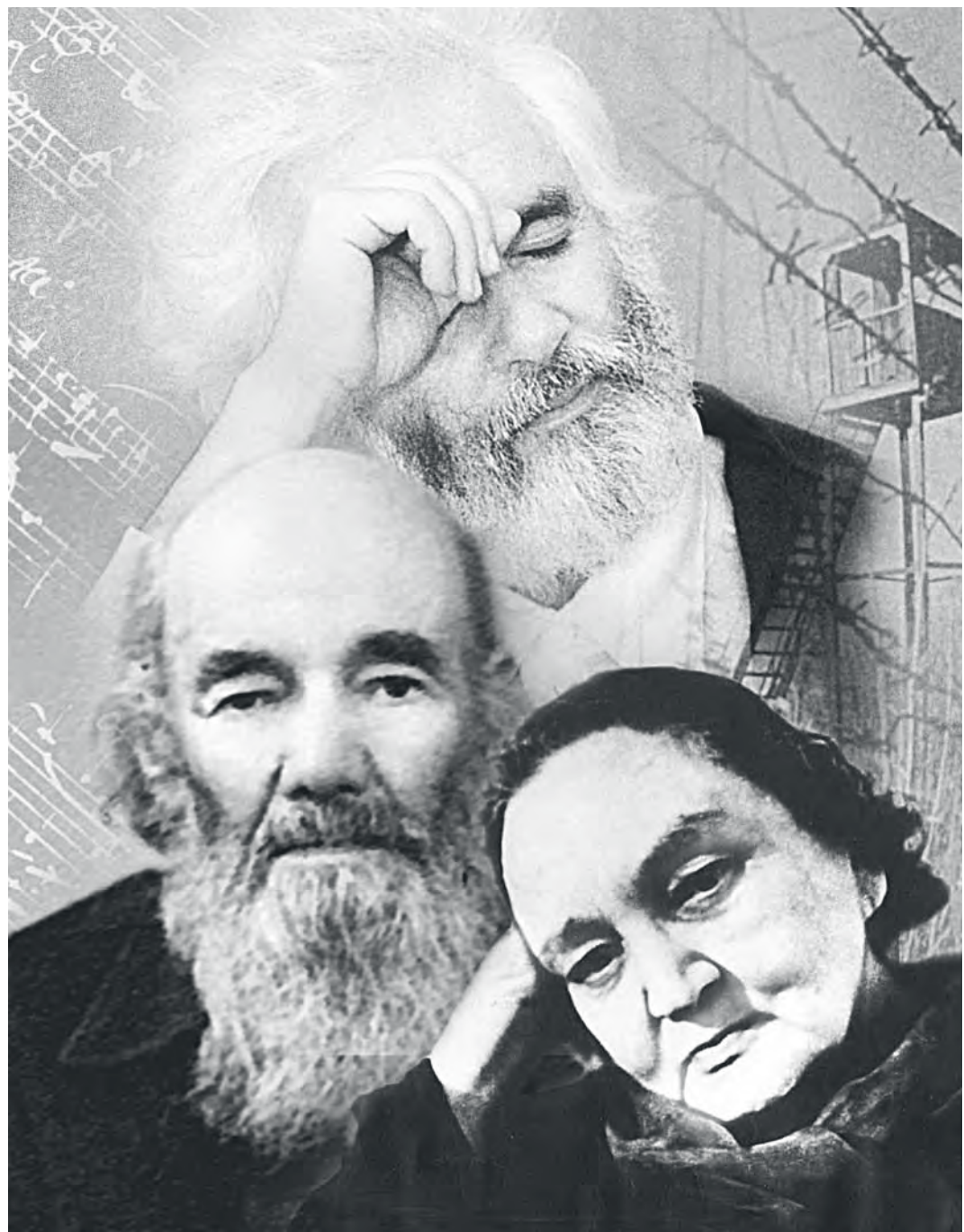
Дважды встречались в храме Николы на Кузнецях в 60-х (годы хрущевских гонений на церковь). Тогда быть православным считалось почетным – нечто вроде подвига, знак неотмирскости и инакомыслия. Православный? Готовься к тюрьме Лефортово или к клинике Ганнушкина. Вот такой диапазон.

Веровать тогда могли только единицы неконформистов, искавшие последней правды и способные ради нее жертвовать всем, что Бог вроде бы внешне подал: карьера, работа, семья, счет на сберкнижке, репутация, возможность печататься, статус ‘выездного’ с штампом в загранпаспорте...

Мария Вениаминовна Юдина, мать Серафима, ИПЦ игуменья пресветлая, была одной из таких. И сколько ж ее гнали за веру! Отовсюду в шею – из консерватории, из квартир запыленных, из подъездов, из общежитий, из санбарачков...

Прилепилась к Серафиму Умиленному. Так от него и не отходила, считала его самым сильным.

“Нерукотворный памятник М.В.Юдиной”, стр.26

А теперь открою тебе тайну, почему после ревностного обращения в веру продолжала в настоящем оставаться пианисткой, почему металась между горячей верой, стихирами Иоанна Дамаскина, проповедями Иоанна Златоуста и – Бахом, Моцартом, Бетховеном...

Искала второго обращения. Искала некоей великой суммы...
Должны были прийти пророки второго обращения.

“Нерукотворный памятник М.В.Юдиной”, стр.51

“Ей сегодня предоставлена аудитория в миллионы. Дважды исполнила концерт. Первый раз – по программе радио играла для всей России. А спустя несколько часов, когда ее пригласили в ту же студию радиовещания уже для записи – играла для Сталина.

Концерт записали быстро. А Мария Вениаминовна во время исполнения второй части адажио роняла хрустальные слезы вместе с Пресвятой Богородицей Соловецкой, сестрой милосердия Второй Голгофы. Омывала одних, помазывала раны другим, успокаивала третьих...

Она понимала, что пришло ее время, что это самый важный момент в ее жизни и что она должна быть абсолютно бесстрашна. И она бросила перчатку вызова тирану. Она решила не столько ублажить его и утешить, сколько пронзить его сердце предсмертными стонами миллионов.

У Сталина открылись глаза. Он увидел, что 20 миллионов этих ни в чем не повинных никуда не ушли, что они живы и предьявляют счет, и грозят ему с неба пальцами.

“Игра для Сталина”, стр.61-70

СССР
ИЗДА
ГОТДЕЛ БЕЛВАТКОМ И

ДЕЛО

31-11-1936
Иванов Илья Иванович
3130
1937

СТАЛИН

Том № 193
1937
Начато
Окончено
Молчичество томов

13/36
написана 305 стр
убили 17 мая 1937
6 издательство

Вспоминаю одну пророческую беседу с Серафимом.

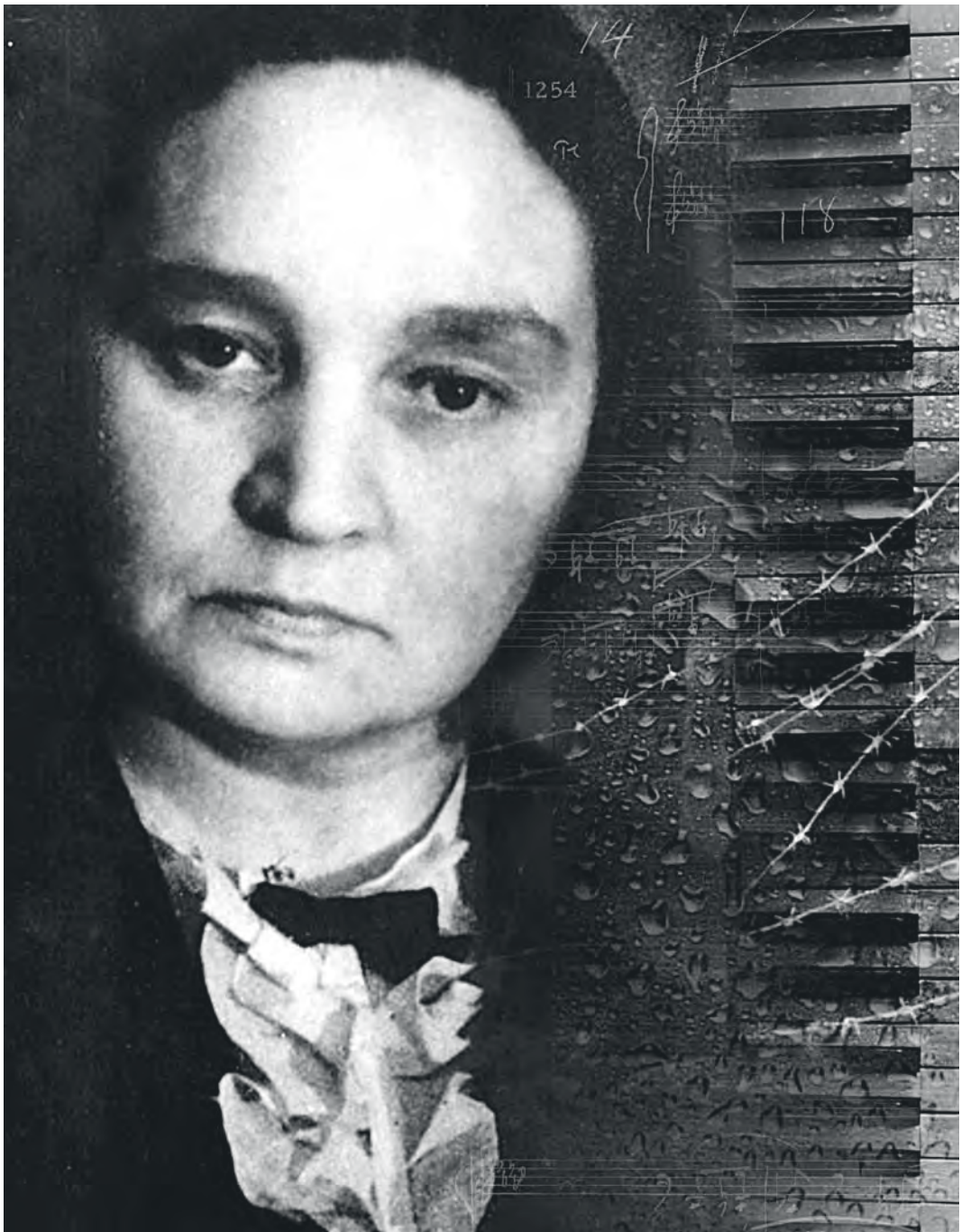
‘Знаешь, матушка Серафима, тезка моя ненаглядная, какая светлая вера придет?!
Вспомнят нас как родителей, не чужих. Не будет тогда ни храма, ни унылых лиц, ни тоски смертной, ни доносов на исповедь, ни той глухой злобы, которая сопровождала историю Церкви земли за ее двухтысячелетний период.

“Нерукотворный памятник М.В.Юдиной” , стр.51

Мария Вениаминовна (мать Серафима) – фортепианная богородица. А неуклюжий Bechstein, временно взятый напрокат (да и вся жизнь напрокат в ее маленькой квартире напротив Киевского вокзала) – катарская лира, с помощью которой она возбуждает архетипические, универсальные, превечные чувства. Обличает ложь и несправедливость. Вступается за гонимых праведников, восхищаясь ими и сознательно идя на мученичество.

Фортепиано было ее алтарем. Священнодействовала: отпевала, препровождала, помазала, бинтовала, благословляла... А внешне – соната Моцарта, Бетховена да Шуберта или 'Времена года' Петра Ильича Чайковского.

стр.92, стр.305

Б Л А Ж Е Н Н Ы Й И О А Н Н

Гортензианное
евангелие
Марии Вениаминовны
ЮДИНОЙ

26 августа – 6 сентября 2009
Барселона

2010

ПРЕДИСЛОВИЕ

Пренебесная Мария Юдина

О Марии Юдиной, м.Серафиме Иоанновой, тайной схимонахине, духовной дочери Серафима Умиленного — и при том всемирно известной пианистке, музыкальном теоретике, педагоге и сестре милосердия — невозможно писать связно. Упорядоченность оставьте протокольным энциклопедическим биографиям, которые все равно знают лишь внешний ход жизни, а потому уйдут в прошлое вместе с этой цивилизацией. В будущее и в вечность перейдет порядок совсем иной — а именно он составляет истинный смысл, тайну, алетейю Марии Вениаминовны Юдиной, ее феномен, ее сферу.

Чтобы войти в эту сферу, нужно иметь помазание самой сфероносительницы, особого рода духовно-родственную связь с ней. Но и этого мало.

Юдина черпала из источников, намного превосходящих то, что можно было осознать в ее земные дни. Ее истинная *alma mater* — не Петербургская консерватория, блестяще оконченная в 1921 году, а пакибытийные залы *Alma Mater Dei et Humani*, вечной

аполлонической Премудрости, вход в которые лежит через пророческое преосенение духа и никак иначе.

Предлагаемая вам книга — своего рода врата к этим небесным храмам, своды которых М.В.Юдина утверждала на земле все годы своего поистине божественно-архитектонического служения, и в которых она ныне царит как великая муза, вдохновительница, предстательница и наставница.

Эти очерки отнюдь не сочинялись за письменным столом, в окружении справочников и томов переписки, как какой-нибудь очередной портрет в галерею ‘Вечных спутников’ Дм.Мережковского. Рождение книги не заняло недель и месяцев, как это обычно бывает. Подобно метеору, она ворвалась в нашу жизнь вне всяких планов и сроков, внезапным стремительным откровением. Ошеломила, изумила и за десять ослепительных дней была записана и сложена.

В том же темпе *allegro presto vigoroso*¹, в каком когда-то исполняла Бетховена с Шубертом, Юдина диктовала свыше и этот свиток.

*

¹ Т.е. ‘скоро, быстро, энергично’ (обозначения музыкального темпа).

Откровение Юдиной блаженному Иоанну внешне началось с фортепианных сонат в четыре руки, с концертов Бетховена и Моцарта... и однажды всплыла история, сама по себе феноменальная, похожая на греческий миф или трагедию Софокла: эпизод с ее игрой для Сталина.

(Этот апокалиптический ее поединок с тираном стал притчей во языцех и упоминается во всех биографиях. Духовное измерение дуэли фортепианного Давида с кремлевским Голиафом вы найдете в очерке блаж. Иоанна “Игра для Сталина”, вошедшем в данную книгу).

Однако для о.Иоанна, как ни странно, музыкальная встреча с Юдиной была не первой. Давным-давно, еще задолго до обращения в веру, в московском храме он однажды встретился с ней лично, глаза в глаза.

“С этой женщиной у меня была мистическая связь не меньше 40 лет. Все эти годы я помнил о ней, и она оставалась для меня загадкой. В ней таился невыраженный Логос. При упоминании ее имени со мной что-то начинало твориться. Я чувствовал в ней одну из необыкновенно родственных душ, но ничего о ней не знал и боялся приближаться к этой тайне.

Только однажды мистическая память высветила... Во время написания книги постоянно перед глазами картина: 1963 или 64 год, мой друг Юра Коваленко привел меня в храм Николы на Кузнецях (в ту эпоху самый популярный “интеллигентский” храм в Москве).

Проповедовал о.Всеволод Шпиллер – седовласый тучный старец с праведностью и хорошо поставленной речью.

Но постоянно вижу не его, а – даже не в храме, а на дворе, иногда в притворе – женщина вся в черном. Черные не чищенные туфли, черная вуаль на шапочке. Стоит со свечкой, внимательно вслушивается...

Я на самом деле ее видел. Даже помню момент, когда глаза наши пересеклись, обменялись обжигающими взглядами.

Ее имя всегда вызывало пламенный восторг, как самая таинственная и запечатанная личность в мировой истории. Но боялся интересоваться: время не пришло. При всей моей одаренности не хватило бы масштабности зрения, чтобы тогда охватить ее аполлоническо-дионисический храм, посвященный делу Христову”.

(Эта обжигающая картина напомнила мне эпизод из когда-то читанной “Розы мира”. Даниил Андреев пишет о своем отце, писателе Л.А.Андрееве:

“В одну из своих предыдущих инкарнаций Л.Андреев жил в Палестине, где был крупным купцом. То была эпоха императоров Августа и Тиберия. Об Иисусе Христе Андреев, в сущности, только слышал, но был один случай, когда он видел Христа издали на иерусалимской улице. Спаситель шёл с группой учеников. Встреча продолжалась несколько секунд и Андреев не знал, Кто это, но лицо Иисуса его поразило и врезалось в память навсегда”.

Есть такие мгновенные встречи, которые оказывают влияние на судьбу души в вечности. И есть особая тайна во взгляде помазанника. Взгляд как запечатление, молчаливое обращение и обещание встречи. — Л.Б.).

В тот момент, в храме Николы на Кузнецях, наверно, ни Мария Вениаминовна, ни будущий о.Иоанн, не сознавали, что произошло. Но тогда завязались провиденциальные узы — источник их, несомненно, в вечности — которые разрешаются сегодня феноменальным откровением.

Как вспоминает сам о.Иоанн, в тот момент он испытал то же самое чувство, что и в Почаеве, увидев длань Отца Небесного над головой матушки Евфросинии и услышав слова “Се дочь Моя возлюбленная”.

И как тогда Евфросиния, так сегодня пренебесная Мария Юдина посылаются ему и нам в помощь и в знамение истинности нашего обращения.

Потому и надиктовалась эта книга так быстро – в течение недели. Потому и воспринимается она как некий взрыв, благодатный протуберанец, выплеснувшийся из солнца Миннэ и наполняющий новой энергией.

Матушку Евфросинию блаженный Иоанн встретил (вернее, она была ему недвусмысленно послана свыше) в момент трудного кризиса, связанного с выбором дальнейшего пути – и, как оказалось, не обманулся, найдя в ней бесценный кладезь старческой духовности, припасть к которому так долго жаждал.

Мария Юдина открылась, по сути, в столь же, если не более трудный период.

Второе обращение – кризис тяжелее первого, и брань его куда более глубока и всеобъемлюща, и риск куда страшнее. Ты уже не следуешь ни за кем, тебя не ведет программа, намеченная святодуховскими старцами и опробованная множеством подвижников... Здесь все – в первый раз, и кажется, что каждый следующий шаг ведет в пустоту, а сзади наплывают тени прошлого, и пугают, и усовещают, и приглашают вернуться назад, чтобы не потерять все...

Но Премудрость не оставляет подвижника и постоянно дает понять: ты не один и не брошен. Каждый шаг твой выверен, и число твоих великих покровителей умножается час от часу.

Вот одна из причин того упоенного восторга, что наполняет очерки этой книги. Он сродни восторгу и облегчению первопроходца, что, карабкаясь по каменистой тропе, вдруг встречает оставленный чьей-то доброй рукой путеводный знак, подтверждающий верность избранного маршрута.

Все страницы сборника, по сути, один сплошной гимн этой великой душе и ее аполлоновой лире, ее орфееву бесстрашию в любви, могуществу ее девства, достойному Афины Паллады.

То, что мы ищем стяжать и к чему, собственно, шли все эти годы через бесчисленные тернии, она осуществила и воплотила. Ее триумфальная жизнь, ее бесчисленные, вплоть до мелочей, совпадения с нашим опытом — свидетельство универсальной истинности пути.

Леонид Белов

Нерукотворный памятник Марии Вениаминовне Юдиной

29.08.2009

Воспоминания?.. Память больше.

Память не помнит – складывает. У нее своя кладовая, свой мистический архив. Да что память человеческая, когда вся мистическая библиотека Соловков плюс Александрийская библиотека, в которой Блаватская работала во время написания ‘Secret Doctrine’, вмещается в миниатюрной памяти человеческой!

Кто ее носительница сегодня? Пианистка Мария Вениаминовна Юдина? Патриарх Серафим Романов? Ваш покорный слуга? Сын мой о.Паисий?

Так ли важно... Сколько тел бессмертных у человека – столько и памяти.

Так что никаких воспоминаний, тем более стираемых или стертых.

*

Встречал ли я ее? Да, хотя и не встречал.

Беседовал ли? Да, хотя и не беседовал.

Вру, что ли, или мистифицирую? Нет. Сегодня она моя собеседница в вечности, и уже моря́ солнечного логоса источились из ее уст мироточивыми каплями. Сегодня и наговоримся – в пакибытии из вечности.

Одно из преимуществ сфер приготовления: между призрачной и будущей жизнью можно вдосталь наговориться с провиденциальными собеседниками (Мандельштам).

Дважды встречались в храме Николы на Кузнецях в 60-х (годы хрущевских гонений на церковь). Тогда быть православным считалось почетным – нечто вроде подвига, знак неотмирности и инакомыслия. Православный? Готовься к тюрьме Лефортово или к клинике Ганнушкина. Вот такой диапазон.

Веровать тогда могли только единицы нонконформистов, искавшие последней правды и способные ради нее жертвовать всем, что Бог вроде бы внешне подал: карьера, работа, семья, счет на сберкнижке, репутация, возможность печататься, статус ‘выездного’ с штампом в загранпаспорте...

Мария Вениаминовна Юдина, мать Серафима, ИПЦ игумения пресветлая, была одной из таких. И сколько ж ее гнали за веру! Отовсюду в шею — из консерватории, из квартир запыленных, из подъездов, из общежитий, из санбараков...

Прилепилась к Серафиму Умиленному. Так от него и не отходила, считала его самым сильным.

Много на своем веку встречала подвигоподвижников, особенно в годы юности, когда крестилась в 19 лет в храме Спаса-на-Крови в Санкт-Петербурге. Много созерцала последних капель Спаса-на-Крови — но уже не как фонтанирующую горячую чашу при температуре +3030° по Цельсию (поди достигни такого зренья, чтоб удостоиться подобного видения Святого Грааля где-то в центре глухого Питера, впотьмах петербургской совдепии...).

*

Как утысячеренное эхо звучит из ее уст, точно с каждым 'Серафима' утысячеряется благодатная ипостась ее имени.

м.Серафима:

На моей памяти много подвигоподвижников тихоновской церкви.

Я тогда в храме Спаса-на-Крови подвизалась, девочкой еще совсем была. Свечки в паникадиле тушила, кому-то что-то подносила, в хоре подпевала... Стихирами интересовалась. Перед славяно-церковною словесностью благоговела, читая в ней неизреченную музыку Царствия. Сравнивала литургию с полифоническими фугами Баха.

Каких я, обожаемый наш, красавцев юных видала! Скольких упреков сподобилась (когда уже монахиней тайной была): мол, что ж вы, такая молодая да красивая, да полная сил, да цветущая, так и будете бобылихою порхать по московским пыльным тротуарам?

Сколько их, женихов Христовых один другого прекрасней, 18-летними юношами рукополагались в Тихоновской ветви!

Знали, что идут почти на очевидное мученичество, что и года, быть может, не прослужат. Но уста их горели.

Тогда, в годы гонений, церковь впервые за тысячу лет ожила и воскресла. Повсюду гудело как улей пчелиный: РРР, русский религиозный ренессанс.

Я была в переписке с Бердяевым, о.Сергием Булгаковым. Лично знала о.Павла Флоренского (в пору его

соловецкого срока и до того) и с ним переписывалась, интересуясь его путем. Я их, можно сказать, изнутри знала, классиков этого самого русского религиозного ренессанса.

И скажу я, которая никто и инкогнито, // крадущаяся впотьмах, // да Серафим Соловецкий патриарх: какая свита Серафиму готовилась!

Ни в какие времена, о.Иоанн, не приходило столько мучеников.

Я интересовалась их судьбами. Перед моим взором прошло не меньше ста (должно быть, много больше) будущих священников и епископов.

Их рукополагали нервно. Их хиротонисали спешно. Понятно, какая обстановка: коммунистические власти против, а тут откуда не возьмись крутая молодежь желает идти в священники — в гонимые именно.

В иные времена в обычные деревянно-столбовые батюшки силком не загонишь. А тут, когда жизнью рискуешь и светит срок каторжный, и пять грамм свинца в спину с репутацией зэка расстрельного — их бесчисленно!

Не успевали рукополагать. Хиротония иногда за-

держивалась до двенадцати и часа ночи. Усталая, едва плелась я в свою общагу, да и там заснуть не могла...

Были такие сумасшедшие любители фортепиано, что по ночам долбили клавиши. Послушай их с полчаса – и навсегда возненавидишь Моцарта и Брамса.

Серафимова невеста

О Серафиме Умиленном я была наслышана. Поверь, много великих богословов, пастырей добрых повила на своем веку и была с ними в общении. Но постриг монашеский доверила ему, и имя взяла в его честь.

На его вопрос: ‘Зачем тебе имя-то с таким уделом непрым?’ ответила: ‘Хочу стоять с вами, святой отец, под одним венцом да под одним престолом золотым’.

Так и стою, Серафимова невеста.

Поет:

А я никто, инкогнито
в этом мире проклятом,
без паспорта и без имени...
Прости меня, Боже, прости меня.

Серафим был совершенно неотразим. Но, должно быть, неброской какой-то красотой совершен. Если б

слишком в глаза бросался – арестовали бы и казнили. И без того вlepили два срока по четверть века, едва открутился. 39 лет отсидел на Соловке... Так-то.

В нем, я бы сказала, была сумма всех страстотерпцев, праведников, мучеников, витий, добрых пастырей, священников, молитвенников, странников, богомольцев. Стáтью – воистину царь. В сердце его переплавлена вся благодать от начала века. И ум его был неисчерпаем.

Серафим обладал сокровищницей. Память у него была редкая: помимо множества языков знал он судьбы тысяч вверенных ему. А к скольким приходил в пакибытии!

Паства его была неисчислима. Серафим, как ты сегодня, только на одну десятую жил в мире сем. А на девять десятых он был, как говорится, нарасхват: то куда-нибудь на дно Святозера при -50° призовут его утопленники воскресшие (до слуха их дошла слезинка Серафимова и растопила лед), то еще куда-то, по ту сторону земли.

Прославляя Отец Наш последнего русского царя, таким юродивым образом вознесшего Отечество наше к преображению.

Узнала я об отце Серафиме Романове от одной горячей монахини ИПЦ. Та привезла меня в Бузулук, а потом в Оренбург. Две недели добирались на перекладных. Прятались, заматали следы...

Как тут не станешь 'лихорадкой'? Я, которая уже столько смертей повидала, что вроде бы ничего не боялась, и то заволновалась и занервничала. А как увидела его — ну совершенно успокоилась.

Сказал мне однажды: 'Ты, Мария, была рода еврейского — Вениаминовна, а теперь стала Серафима, наследница царская, царского рода'. Девкам своим и 'лихорадкам' называл меня Серафимой Романовой, невестушкой своей.

*

Спешу, обожаемый мой, рассказать тебе о Брачной трапезе нашей с Серафимом Умиленным, поскольку никогда ты о ней ни от кого больше не услышишь. Вот и перелистали мы с тобой страничку нашей совместной мистической библиотеки ИПЦ...

Серафим покорял державной силой. Взор его всегда устремлялся куда-то вдаль. Поражала власть, с которой он говорил. Пророческая.

Выразительность его глаз была неопишима. Встретиться, бывало, с ним взором — и читаешь не мысли,

а свитки какие-то бесценные, скрижали, которые запечатлены в его сердце.

И думаешь: этот великий человек, который трон российский оставил, правильно сделал. Последний царь романовской династии с неоднозначной репутацией, виновной во многих грехах Московского царства от 'тишайшего' Алексея Михайловича до Николая I и Александра III, а сподобился божеских почестей.

Серафим был бог, иначе не скажу. Бессмертный. Мог сделать что угодно. Мог земной шар держать на одном пальце. Мог перенестись на другую сторону света. Мог преобразиться на глазах.

Знал все науки. Читал мысли. Ему были знакомы все искусства. Играл он на тысячах музыкальных инструментов. И такие напевы, бывало, пел, что диву давалась: как только сердце человеческое может вместить подобное?

Нет, правильный сделал выбор последний русский царь. Был *victim*², агнец — отвечал бы за грехи романовской династии. А стал династии Соловьиной, патриархом Соловецким, царем богоцивилизации.

² *Victim* (англ.) — жертвенная душа.

Если бы ты знал, какой престол на солнечном море у Серафима сегодня!

Это от него услышала я: ‘Священников наших в миру мало. Не будет хватать у тебя веры, чтобы беседовать со мной по мистическому телефону, – ходи в храм. Свечку запали, стой кротко. Но не причащайся. И близко не подходи!’

Так и делала. Стояла часто на дворе, хотя пинали меня нещадно сторожа и бабки: ‘Что тут делаешь? И вообще ты кто? Странница, жидовка? Сейчас милицию вызовем!’

Десятки раз брали и отпускали с уважением: известная пианистка Мария Вениаминовна Юдина.

*

Вот так и прожила полвека. Теперь оглядываюсь: счастливей меня не было никого.

По-земному – дни прискорбные, страстные. Дня не проходит, чтобы кто-нибудь ржавый гвоздь не вбил в бумажное распятие, на котором отпечатан аккурат портрет мой, в-точь один к одному копия к оригиналу. А под знаком вечности – одни блаженства.

Столько-то я успела за эти пятьдесят лет, что и не снилось никому! Сколько писем ночью рассылала,

скольким раненым на фронте помогла, сколько любовных записок посылала, и еще стократ больше получала...

Знаешь ли, давно стерлись из памяти благоухающие розы и лилии от поклонников, например, в концертном зале имени Чайковского в Москве. Ничего этого не помню. А помню, как в 1943-м в санбареке молодому солдатику голову пробитую перевязывала. Взгляда его никогда не забуду. Умер, соколик, вскоре, а в сердце моем навсегда остался. И часто потом со мной беседовал.

Я ночные часы проводила не столько в переписке и молитве, сколько в таинственных беседах. Особой милости сподобилась от Всевышнего. Многие дорогие мои ближние оставались моими горячими собеседниками, и подобно тому как я к тебе сейчас, приходили из вечности поведать мне тайны, какие в земные дни не смогли бы рассказать.

*

Никогда не забуду слова Серафима Умиленного:

‘Нигде, матушка, не было мне так хорошо как в Гулаге. Сибирская глушь и температура -50° – а в сердце запылилась негасимая свеча. И такая теплота!

И аудитория великая. Скольким раночки перевязывал, скольких маслами преблагоуханными помазал! К тысячам приходил. Отсюда врата открытые наши – соловецкие, пакибытийные.

Когда ветвь наша серафимова-иоаннова расцветет, многие из соколиков наших будут приходить по ту сторону земли откуда-нибудь из Москвы в Калькутту, или в Эквадор. Чудотворными соловецкими маслами из нашей второголгофской кладовой будете помазывать несчастных, умирающих, нуждающихся’...

Под знаком вечности, дитя наше, воспоминания, мемуары, какими ни казались бы исторически-достоверными, – как страницы тысячетлетней рукописи. Ни слова-то в ней не разобрать. Да и нет в том нужды.

Истинная история творится в иных мирах и начертаниях. Ничего истинного скрыть нельзя.

Вот я пришла к тебе и рассказала о судьбе ‘известной пианистки Марии Вениаминовны Юдиной’. Вроде бы монашка, полукатоличка, ‘в переписке с батюшками’, ‘спит в гробу’... А вышла монахиня Серафима Романова Младшая. Так-то.

*

Россия тогда казалась мне огромным концлагерем. Над нею стоял адским глиняным колоссом Ста-

лин, которого я ненавидела люто, больше советской власти.

Ненавидела в жизни три вещи: хлебные крошки, совдепию и Сталина.

Детей по плоти у меня не было. Зато Серафим, рукополагая меня, называл ‘матушка моя игуменья’.

И когда я, улыбаясь ему по-доброму, спрашивала: ‘Отчего же, святой владыка, называешь ты меня матушкой игуменьей, когда ни одной нет у меня послушницы? Какая же я матушка?’. Отвечал Серафим, царь соловецкий:

‘А ты матушка всему народу моему. Ты матушка российская, у тебя чад миллионы. Как их будешь отпевать? Как ранки им перевязывать? Как маслицем помазать? Как слезки отирать? Как слово доброе говорить? Как по имени-отчеству величать? Как в Царстве препровождать? Как по-матерински назидать? Потому-то и назвал я тебя матушкой-игуменьей.

Ты Россию-то, матушку нашу, видь огромным концлагерем. И себя как мать милосердия над ней простертую. К кому приходи с маслами, к кому — с добрым словом утешения, к кому — с евангелием. А на кого просто посмотри по-доброму, он и исцелится и благодарить тебя будет в веке сем и в вечности’.

У Серафима я переняла дар слез. Потрясена была – в три ручья рыдал. Думала: как это человеческое тело столько слез может вырабатывать? Неиссякаемые слезы, не успеет очередную байку свою рассказать...

А речь его была юродивая и сбивчивая – никогда ни о чем конкретно – но удивительно таинственная. Вроде бы ни о чем, и вдруг ослепительный образ промелькнет.

Чудес творил видимо-невидимо.

А больше слов слезы его говорили. Воистину по три стаканчика слез за ночь.

Вот и я ночами плакальщицей подвизалась. Как Серафимушку вспомню – он и приходит ко мне. Как увидим уделы зэков всероссийских соловецких, как прочтем их свитки... Кто утешит их стоны предсмертные? Кто упокоит их?

Так и льются слезы ручьями...

Много возникало проблем на концертах. Бывало, закончу сольный концерт (а иногда и с симфоническим оркестром), а юбка мокрая от слез.

Специальную пелеринку черную подкладывала незаметно, чтобы коленки не застудить, когда гастрологи-

ровала в те морозные вьюжные времена, в 41-м, 42-м да 43-м.

Мне потом совковая продажная номенклатура (чиновники из отдела культуры) под различными видами играть запрещали. Вызывал один главный, не буду имени его называть, и спрашивал:

— Что это ты плачешь во время концертов?

Так я юродствую:

— Знаете, у меня с глазами что-то. Слезятся.

— А-а-а.

Отпускал, дурень, ни с чем. Верил на слово.

*

Сергианскую церковь я на дух не выносила. Отцы Всеволод Шпиллер, Николай Огурцов и другие светильники веры того огненного времени никакого отношения к митр. Сергию Страгородскому не имели. Держались особняком.

Отец Всеволод имел, как и Серафим Соловецкий, стать царскую и дары великие. Сердце огромное и ум богословский выдающийся. Его проповеди посещали многие даже из прожженных атеистов. Красота его речи, златоустый мед его христианского богословия покорял людей.

Я любила его проповеди. Отец Всеволод обладал даром говорить простыми словами, но так трогательно и чувствительно, что западало навсегда. Впрочем, обращались от его слов немногие.

*

Родилась я в Невеле и мало что помню о себе. Отец был добрый человек, известный врач. Многим помогал бесплатно. Сострадательный и простой был человек, глубоко верующий. Но в вопросы богословия не вникал, времени у него не было.

Мать я потеряла рано. Тогда в Невеле ко мне приставили учителя, и тот меня, уже ‘титулованную иудейку’, пытался по-своему обратить. Приносил какие-то древние трактаты...

Иудейская мистика меня заинтересовала. Стала изучать древнееврейский, да потом забыла – слишком много утилитарности и далеко от архетипа нашего. С трудом вязалась обстановка Невеля с каббалистическими трактатами. Ну что бы я делала одна-одинешенька, набивая голову математическими пересчетами, нота-риконами и прочими шифровальными программами, к которым призывала практическая каббала?

Православное богословие привлекло меня куда больше. Огромное впечатление произвели книга князя

Трубецкого ‘Учение о Логосе’ и трактаты Павла Флоренского.

Музыка – царица

Помню, уже в юношеском возрасте разочаровалась в каббале и говорила:

‘В Моцарте больше каббалы, чем в каббале! В музыке больше тайнописи, чем в словесных тайнах и ритуальных церковных таинствах.

Музыка дороже каббалы. Музыка говорит на неком превечном языке, архетипическом, внутреннем. Музыка говорит на языке, который больше человека. Ему еще предстоит открыть таинственные внутренние врата, чтобы услышать оригинальную матрицу той музыки, которую только что он считал с листа, с пластинки’.

Больше всего меня интересовала философия музыки. Перечитала несчетное множество книг и была абсолютно разочарована трактатами типа ‘Практика, теория и методика фортепианной игры’. Освоила немецкий, чтобы прочесть труды Вагнера в оригинале. И что же? Разочаровалась.

Музыка – царица. Музыка больше слова. Настоящий музыкант напрямик ‘без экзамена’ следует в Царстве, поскольку оно насквозь проникнуто музыкой.

В Царствии озвучивается каждая мысль, каждое высокое слово. Например, трактаты Бердяева и Флоренского можно переложить на музыку и слушать их нескончаемо.

И твои, о.Иоанн, проповеди, стихотворные сборники, откровения – из чудесной музыкальной шкатулки, доступ к которой имеют избранные души с абсолютным, прободенным ‘чистым’ слухом.

Музыка как бы слышит изнутри. Бога знает изнутри. И человека понимает изнутри.

Знаешь, годам к сорока пяти, после многих скорбей, виденных мной воочию смертей, после трижды пережитой мною смерти, Господь отверз мне слух и я слышала музыку, звучащую в совсем простых людях (чему диву давалась) – на войне, на фронте, перевязывая раны...

Потому-то я, уже трижды профессор принятый да изгнанный (из петербургской консерватории, из московской, из тбилисской, из Гнесинки – куда только меня ни брали и откуда ни выгоняли!), становилась простой санитаркой. И счастлива была больше, чем в часы, когда копалась в библиотеке Московской консерватории в поисках очередного сочинения, которое могла бы сыграть.

Искала тогда что-то незнакомое еще слушателям, никем не сыгранное, или в переписке с современными композиторами просила у них прислать что-нибудь...

Об этом можно прочесть в моих воспоминаниях. А тебе вот что скажу: глубоко вслушавшись, вчитываясь я в чудесную музыку Царствия, не сравнимую ни с Моцартом, ни с Гайдном, ни с Бартоком, ни с Хиндемитом.

Звучала она в сердце совсем простого человечка, которому жить-то оставалось несколько часов: какого-нибудь 20-летнего паренька, Ивана Васильевича Иванова, у которого девушка была, да изменила, и мать скаженная куда-то не в ту степь поперла, так что остался он, родненький, один...

Я ему и мать заменила родную, и девушку, и бабушку, и саму Пресвятую Богородицу.

Когда потом играла премьеры Хиндемита, Стравинского, французских композиторов, представляла орган внутреннего человека — таинственную музыку сердца, которая лилась в часы его страстного, когда перевязывала я раны истекающих кровью и слышала предсмертные стоны и хрипы.

Вот еще спешу поделиться. Многие соловецкие, да безымянные солдатики — ну какая о них память?

Ушли ('я никто, // инкогнито'). А души их звучали в премирном эфире.

Что за прекрасная музыка изливалась от них! Душа, уже оставив мир, как бы прощалась со своими ближними и пела чудесную песнь.

Какие менестрели, барды, какие пастушечьи свирели, какие Бахи, Бетховены и Моцарты заложены в простых людях! Вроде бы ничем не примечательны и маловыразительны, ничего в этом мире не успели, и сроку им было не больше четверти века... А во внутренних их залах звучала музыка Царствия, по земному исчислению от нескольких дней до нескольких лет.

Так, попрощавшись с земной своей аудиторией (часто вселенской), душа спокойно уходила в места вечного утешения и аллилуйной радости, приготавливаясь к дальнейшим подвигам земным.

*

Неспроста я, сыночек мой, интересовалась философией. Пыталась объяснить философским языком мир музыки, в сферы которого входила, докопаться до последней истины.

Правду говорят, что к 17-ти годам я автодидактом проглотила едва ли не всю гуманитарную философию человечества.

Я вообще была большой охотницей до книг. Умела четкий и пронзительный. Бывало, возьму книгу из библиотеки, за ночь ее перелистаю, и уже знаю почти наизусть — даже больше того, что автор в нее вложил.

Обожала греческих философов. Каждый из них открывал мне какую-то свою страницу и переживала их вживую. Как живые персонажи, представляли они в моем воображении и откладывались в духовных кладовых. Потом как пчелка сотовый мед из них извлекала и питалась им.

Канта и Гегеля читала. Интересовалась Ницше, Шопенгауэром и Фихте. Избегала штампов. Но каким мизерабельным душком, поверь, веет от всех этих Спиноз, Декартов и Чернышевских! Под знаком вечности они седьмая вода на киселе, жалкие копии божественных оригиналов...

Потому-то смешной кажется мне моя земная жизнь.

Почитал бы ты со мной мистические библиотеки, куда я захожу. Греки, Кант, Гегель, русский религиозный ренессанс, Соловьев, Трубецкой, Флоренский прекрасны. Но когда я встретила здесь Владимира Соловьева, князя Сергея Трубецкого и о.Павла Фло-

ренского, я увидела их новыми — пресуществленными, чистыми и сияющими неизреченным светом.

Аура философа, находящегося в нескончаемом поиске истины, у них исчезла. Они были прекрасны и совершенны как дети, и на каждом из них сияла ипостась малого христа.

*

Сколько раз хотела бросить музыку, стучалась в дверь богословского института... Не тут-то было: на-завтра его закрыли. Многие схоластические трактаты проштудировала, по-итальянски читала Данте, Петрарку и Микеланджело Буонарроти...

Но ближе к 30-м годам, когда стали открываться сталинские лагеря, философия отошла на задний план.

Я все больше принимала на себя образ матери милосердия и, пользуясь множеством времени из-за отсутствия семьи и связанных с этим хлопот, отдавала всю себя на служение простым людям.

Студенты консерватории меня любили за неординарность. ‘Вы, Мария Вениаминовна, — говорили, — никогда дважды, по слову Гераклита, в один поток войти не можете. Вы абсолютно непредсказуемы. Иной раз

мы и так и эдак пытаемся предположить ваше мнение, а оно оказывается диаметрально противоположным’.

Были и такие, которые терпеть меня не могли. Считали сумасшедшей, монашкой, чудачкой, сектанткой. Просились, чтобы их перевели в другой класс.

Я была и остаюсь тайной

Я тебя понимаю как никто.

Не за веру – за ‘сектантство’ гнали меня совдеповские власти. Я у них числилась по классу А (инакомыслящих). Никак не укладывалась в обычные рамки: традиционной верующей, традиционной пианистки, традиционного профессора. Не была я традиционной совково-сталинской дурой, рукоплещущей первомайскому параду, ахающей-охающей, глядя по телевизору с крошечным экраном на выстроившихся на Мавзолее кремлевских ихтиозавров...

Это сегодня меня записывают в ортодоксальные православные, в правоверные монахини, в католички, в экуменистки... Но я была и остаюсь для них тайной.

Тогда стелилась за мной по земле химера лютой сектантки. Удостоилась особой чести ходить с филестерами-шпиками. Подозревали меня в связях с различными контрреволюционными и террористическими

бандами и уже четырежды были готовы съесть живьем, бросить в гулаговскую мясорубку...

Нет-нет, не репутация выдающейся пианистки и яркой натуры, принадлежавшей к литературно-культурной элите тогдашней России, спасла меня. Спасло меня другое – Пресвятая Дева Богородица.

Ей я тайно исповедовалась ежедневно. Её маленькую иконку с собой носила. Её я обожала, Её считала своей Матерью.

Ей, считала я, протестант Иоганн Себастьян Бах посвящал свои прелюдии и фуги, кантаты и магнификаты. Ей молился австрийский гений Бетховен. Её искал Моцарт и не успел обрести, отравленный католиками.

Православной веры без Божией Матери я не мыслила. Божия Мать для меня была лоном, вместилищем, храмом, настольной книгой православной.

Я могла обойтись без службы, без молитвы, без причастия, без исповеди. Но часто бывало тяжело на душе. А кому исповедоваться, когда кругом священники-стукачи из страгородского вертепа? И в какую церковь ходить? Владыка Серафим не велел, а я его послушница...

А Матерь Божия всегда со мной.

Поставлю маленькую иконочку, чуть больше спичечного коробка — ан она для меня величиной во всю вселенную. Встану на ночную молитву и кричу к Ней, руки раскинув.

Потом играю в каком-нибудь Малом зале консерватории концерт Бетховена или прелюдию и фугу Баха, а сама молюсь Пресвятой Богородице: услыши, Матерь Божия! Пресвятую, Пречистую, Преблагословенную, Преславную Владычицу...

Обожала эту молитву Царице Небесной. Её предстательством спаслась.

**Кто Божию Матерь призывал,
сподобились честного удела**

Теперь послушай, что тебе скажу. Кто Божию Матерь в молитвах своих призывал, сподобились честного удела.

Жизнь многих была чудодейственно продлена. Пуля их не брала, пытка и Гулаг не сокрушили. Воля их была несломима. Совершили каждый свой героический подвиг для Божией Матери.

А у кого поклонение Царице Небесной было слабым, удел случался тяжелый. И покровы над ними не

было, сколько бы ни призывали свою ‘мать-церковь’, ни молились царям, патриархам и пр.

Надо умным в вере быть и к Царице Небесной, венчанной Премудрости взывать.

*

Не спрашивай, где я жила. Когда дали мне отдельную маленькую квартиру напротив Киевского вокзала, пришла и залилась слезами.

Глазам своим не верила. Пронеслись передо мной образы моих странничеств земных...

Бывали случаи, по несколько раз за ночь меняла жилище, чтобы никто не смог подсмотреть, чем я занимаюсь в ночные часы. Бывало, гнали меня даже мои ученики – из страха, что за мной хвосты водятся, шпионят.

Одна ученица говорила: ‘Вы, Мария Вениаминовна, известная персона. Вас весь мир знает. А мы кто? Мы никто’... ‘Инкогнито’, – отвечала шутя и хлопала её по плечу. И не говоря больше ни слова, собирала манатки и уходила.

Правильно пишут, что одевалась в черное. Черный цвет одежды считала самым благородным.

Потом владыка Серафим постриг меня в глухую

схиму. И цвет одежды подавал мирро схимонахине, какой я была многие годы.

Для меня лично черный цвет был трауром по тысячам дорогих собеседников, которых я потеряла, удостоившись чести поговорить с ними уже в иные времена...

Должны прийти пророки второго обращения

А теперь открою тебе тайну, почему после ревностного обращения в веру продолжала в настоящем оставаться пианисткой, почему металась между горячей верой, стихирами Иоанна Дамаскина, проповедями Иоанна Златоуста и – Бахом, Моцартом, Бетховеном...

Искала второго обращения. Искала некоей великой суммы, почему и интересовалась экуменизмом, желая соединить всё лучшее от православия, католичества и протестантизма в один букет.

Должны были прийти пророки второго обращения.

Вспоминаю одну пророческую беседу с Серафимом. Как-то владыка устремил взгляд свой далеко-далеко и заговорил о Церкви будущего приблизительно таким образом:

‘Знаешь, матушка Серафима, тетка моя ненаглядная, какая светлая вера придет?! Вспомнят нас как родителей, не чужих. Не будет тогда ни храма, ни унылых лиц, ни тоски смертной, ни доносов на исповедь, ни той глухой злобы, которая сопровождала историю Церкви земли за ее двухтысячелетний период.

Я как прочитал истинную историю Церкви – сплошное позорище. Так и остановился на том месте, которое читал: страшно стало. Христианство вроде бы только и делало, что проклидало Христа, распинало Христа, разлучало со Христом, искажало Христа...

От второй нашей соловецкой Голгофы ветвь придет новая. Я провидел её и благословил, и от многих братьев моих огненных иерархов слышал подобные речи.

Сама Пресвятая Богородица доверила мне тайну Церкви будущего века. Сподобился я чести видеть Иоаннову церковь в белых одеждах: предивно и премирно в каких-то ДК и бараках литургисуют мелхиседековы священники, упоминают наши имена и называют нас своими родителями’.

Много рассказывал мне Серафим Умиленный о будущей церкви, говоря: переплавятся в ней старче-

ские, апостольские, пророческие и пастырские печати в чудесное единство множества даров Духа Святого. И сам Отец Небесный, Христос, Матерь Божия и Дух Святой откроются в новой ипостаси для новых людей.

*

P.S.

Второе обращение — это гораздо больше, чем быть слюнявым атеистом, а потом уверовать в евангельского Христа. Это сегодня дешевка.

А наша вера иная. Мы приняли веру от Соловков, от Китеж-града, от Серафима Романова, преобразившего Россию. По втором обращении мы единственные в мире смогли разгипнотизировать сознание миллионов, которые до сих пор считают Христа Элогимом по отчеству и принимают навязанную Ему адамическую родословную в синоптических евангелиях.

Я спросил Марину Вениаминовну, когда она познакомилась с Серафимом.

Она улыбнулась и сказала:

‘Я познакомилась с Серафимом до знакомства с Серафимом. Серафим двадцать лет приходил, по всей России являлся. Твои явления по всему миру — это

дар, который Серафим тебе уделил как сыну своему, великое богатство’.

Серафим отказался от русского престола, и в воздаяние Отец небесный прославил его – сделал царем всего человечества. Серафим являлся в билोकационных телах в тысячах мест одновременно. Он десятки, если не сотни раз, приходил к Марии Вениаминовне в ее ночной молитве, наставлял в духе.

В одном из таких билोकационных явлений он объяснил ей, как им встретиться физически. Она приехала к нему в Бузулук – специально для пострига в монашество и потом в схиму. За всю жизнь встречалась с ним всего несколько раз.

Ее потрясало, когда она видела иконописный лик Серафима Умиленного, приходившего к ней.

– Кто ты? – спрашивала.

– Я – царь, – отвечал Серафим.

– Нет, ты не царь. Ты больше чем царь, ты царь царей! Ты бог, христос христов. Ты христос Второй Голгофы, – говорила, поскольку видела на нем всю сумму печатей мучеников тихоновской ветви, хиротонисанных в 18-20-х годах.

Он сказал ей, что он отец этой церкви. Поэтому, как отец, он содержит в себе печати всех сыновей.

Тогда она сказала:

– Если ты отец, то я твоя дочь. Я тоже хотела бы унаследовать печати мученической церкви.

– И унаследуешь, и победишь.

Откуда была в ней такая сила противостоять со-
вдепии? Ее Серафим укреплял. Серафим Соловецкий
являлся и вел ее.

Серафим в ней победил Гулаг. Серафим убил Ста-
лина – в лице Марины Вениаминовны Юдиной.

*

Самое потрясающее, что я ничего этого не знал.

Обычно, готовя текст, я записываю его конспек-
тивно, а затем надиктовываю по своему конспекту. И
вот я подготовил тезисы и приготовился говорить от
своего лица...

Вдруг в два часа ночи я увидел свет, сияние. Она
сошла в купине. Спустилась от Сан-Сальвадора и за-
говорила со мной.

СОДЕРЖАНИЕ

Пренебесная Мария Юдина (предисловие)	17
ПЕРУКОТВОРНЫЙ ПАМЯТНИК М.В.ЮДИНОЙ	25
М. Серафима	27
Серафимова невеста	30
Музыка – царица	41
Я была и остаюсь тайной	47
Кто Божию Матерь призывал, сподобились честного удела	49
Должны прийти пророки второго обращения	51
P.S.	53
ИГРА ДЛЯ СТАЛИНА	56
P.S.	82
Сталин стоял на грани второго обращения	86
ЕВАНГЕЛЬСКИЙ НОНКОНФОРМИЗМ	88
СВЯЩЕННОЕ ПИСЬМО	103
P.S.	110
Верность до последнего дыхания и дальше (разговор)	111
ПОДВИЖНИЧЕСТВО ВТОРОГО ОБРАЩЕНИЯ	114
НОНКОНФОРМИСТСКОЕ ФОРТЕПИАННОЕ ЕВАНГЕЛИЕ М.В.ЮДИНОЙ	128
Кredo абсолютного нонконформиста	138

P.S.....	156
ВТОРОГОЛГОФСКАЯ РОССИЯ	161
Богородица времен безысходного совка	164
Переписка.....	166
Н.В.Гоголь наизнанку.....	171
МИР ЮДИНОЙ	178
Девственный источник личного Грааля	182
Музыка – божественный алтарь	182
Санитарка Второй мировой Мария Юдина	196
Цивилизация Марии Вениаминовны Юдиной.....	200
Музыка, речь и безмолвие.....	206
Вхождение в сферы	209
Спектры архетипической памяти.....	210
Стадия восхищения ума и просветления духа.....	216
На допросах	221
P.S.	223
ВЛЮБЛЕННОСТЬ	225
Ночь помазанника	225
В переписке с полуторамиллионным государством всемирных затворников.....	226
Пятнадцать тысяч брачных контрактов	228
ЭПИСТОЛЯРНАЯ ПОЭЗИЯ	231
Несколько часов визит к зэку.....	235

МУЗЫКАЛЬНАЯ БОГОРОДИЦА	246
ФИЛОСОФИЯ ВЕЧНОГО ЗЭКА	256
ГОСУДАРСТВО НОНКОНФОРМИСТОВ	272
ФОРТЕПИАННАЯ А.М.Д.Н.	283
Апофеоз Юдиной.....	283
М.В.Юдина – фортепианная А.М.Д.Н.	286
Camera de tortura	287
Катапульта Марии Юдиной.....	288
Евангелие Марии Юдиной.....	288
В 115-м экзортическом замке	289
Новая Кана.....	289
Играла Юдина солдатам.....	290
Натюрморт.....	292
Зэки Alma Mater Dei et Humani.....	293
ПОСТСКРИПТУМ	294
Хозяин Гулага остался без головы.....	302
Дважды победительница Гулага	303
Одного предпочитаю миллионам.....	304
Письма М.В.Юдиной	307
Мать Серафима дирижирует всероссийским оркестром из ста миллионов музыкантов	308
АТЛАНТИЧЕСКАЯ МУЗА ВТОРОГО ОБРАЩЕНИЯ	
Послесловие редактора	311